

Прежде они уже целовались, однако инициатива почти неизменно принадлежала Цэнь Сяо. Зачастую это походило на принуждение, и Ли Жун никогда не потворствовал ему.

Поцелуй — это не просто соприкосновение губ. Без соответствующей атмосферы и искренних чувств даже самая пылкая близость остается лишь пустой имитацией, за которой скрывается ледяное равнодушие. Юноша вовсе не был лишен желаний; он лишь добровольно заточил себя в тесную клетку, отсекая всё, что могло бы принести ему мимолетное удовольствие.

Впервые он сам коснулся чужих губ, перехватывая инициативу и задавая ритм. В глубине души рождалось тонкое, пьянящее чувство власти; искра азарта, подхваченная ветром, в мгновение ока испепелила остатки рассудка. Теперь Ли Жун понимал, какое наслаждение испытывал Цэнь Сяо в те моменты, когда, поддавшись порыву, прижимал его к себе и требовал подчинения.

Люди устроены просто: если им что-то дорого, они стремятся этим завладеть.

Цэнь Сяо оцепенел на несколько долгих мгновений. Лишь услышав приказ, отданный сбивчивым шепотом, он окончательно пришел в себя. Сильная рука легла на худую спину юноши, прижимая его к себе; мужчина ответил на поцелуй с яростной страстью. Их теплое дыхание смешалось, становясь всё более прерывистым и требовательным.

Плетеное кресло-качели едва ли можно было назвать идеальным местом для нежностей — по крайней мере, для Ли Жуна. Стоя на колене и опираясь лишь на плечи собеседника, он находился в крайне неустойчивом положении, и перехватить инициативу в такой позиции было проще простого.

Ли Жун приоткрыл глаза. Влажные от пота пряди волос щекотали веки. Он вцепился в воротник Цэнь Сяо и слегка отстранился. На его стройной шее проступил лихорадочный румянец; капля пота скользнула по коже и исчезла за вырезом футболки.

— Я велел тебе ответить... но не разрешал брать инициативу! — пробормотал он с не терпящим возражений упрямством.

Он предчувствовал: если не обозначить границы прямо сейчас, Цэнь Сяо мгновенно повалит его на сиденье и подчинит себе. Хотя силы почти вернулись к юноше, он всё еще уступал противнику в физической мощи. Не имея возможности действовать, Ли Жун решил взять свое красноречием. Он верил, что собеседник всё еще пребывает в состоянии легкого шока и замешательства, а в такие моменты им легко манипулировать — он подсознательно подчинится любому слову.

Тем более парень так старался угодить: воссоздал ту памятную атмосферу и даже надел пальто, точь-в-точь похожее на лабораторный халат. Цэнь Сяо обожал его в рабочем облачении

— доказательством тому служили бесчисленные ночи их прошлой жизни.

Дыхание мужчины участилось, он не сводил глаз с влажных губ юноши. Когда тот тяжело дышал, его рот непроизвольно приоткрывался, обнажая ровный ряд белых зубов. В моменты крайнего напряжения или волнения он всегда касался кончиком языка их режущего края.

Цэнь Сяо попытался взять себя в руки, и в затуманенном взоре прояснилось. Он коснулся кончиками пальцев виска Ли Жуна и тихо спросил:

— Почему?..

«Почему он сам поцеловал меня в этот день?»

Воспоминания о прошлом — скрипучие полы, разлетающиеся вдребезги керамические вазы, грохот дверец книжного шкафа и хлопанье дверей — всё это вдруг засосало в пространственную воронку, стирая в прах былые обиды. Перед глазами стояли растрепанные волосы Сяо Мужань и морщинки в уголках глаз Цэнь Цина, но теперь это не имело значения.

То, что он чувствовал сейчас, было реально: близость Ли Жуна, его тепло и страсть. Симпатию и жажду невозможно скрыть; наконец-то он увидел в глазах юноши то же жгучее, нетерпеливое желание обнять, что сжирало его самого.

Ли Жун умело воспользовался паузой, чтобы сменить позу и не потерять преимущество из-за неустойчивости качелей. Решив, что Цэнь Сяо спрашивает о запрете на инициативу, он скользнул рукой вниз, игриво коснувшись его мочки уха. Ли Жун вскинул на него взгляд своих миндалевидных глаз и самодовольно изрек:

— Потому что сегодня инициатива принадлежит мне.

Он хотел выглядеть гордым и властным, но затуманенный влагой взор лишил его слова суровости, придав им вместо этого некую томность. Вместо предостережения в его голосе слышались кокетливые нотки.

Цэнь Сяо понял, что Ли Жун истолковал его вопрос неверно, но не стал поправлять. Он опустил глаза и едва заметно усмехнулся.

— Ну уж нет.

С этими словами он, поймав момент, резко дернул Ли Жуна на себя, заставляя того упасть в свои объятия. Не давая ему опомниться и восстановить дыхание, Цэнь Сяо бесцеремонно впился в его нижнюю губу.

Легкая, покалывающая боль волной разошлась по губам. Тихий скрип качелей слился с шуршанием занавесок, и атмосфера в тесной кабинке накалилась до предела. До юноши доносились приглушенные голоса и звон бокалов из соседних залов; какая-то крошечная букашка, привлеченная светом, с тихим стуком билась о стеклянный плафон лампы.

Ли Жун прищурился и, не размыкая губ, безжалостно укусил его в ответ. Он вложил в это больше силы, чем собеседник, и заметил, как тот поморщился от боли. Он не собирался сдаваться: в прошлой жизни он всегда шел у Цэнь Сяо на поводу, но в этой всё должно было измениться коренным образом.

— «Ну уж нет»? Тогда больше никаких поцелуев.

Ли Жун изобразил праведный гнев, поднялся, перешагнув через колени мужчины, и сделал вид, что собирается уйти. Полы его длинного белого пальто скользнули по тыльной стороне ладони Цэнь Сяо, а металлический замок куртки отчетливо звякнул. Эта одежда действительно мешала: в расстегнутом виде она тянулась за ним, точно длинный белый хвост.

Цэнь Сяо перехватил край его одежды и рванул обратно.

— Думаешь, я стану тебя слушать?

Прижимая Ли Жуна к сиденью, он не выказал ни капли раскаяния. Напротив, в его голосе зазвучал вызов:

— Боюсь, я не самый послушный партнер.

Юноша слегка откинул голову, принимая на себя вес Цэнь Сяо и понимая, что в ближайшее время ему не вырваться. Цэнь Сяо подложил ладонь под его затылок, защищая шею от жесткой спинки кресла. Волосы Ли Жуна рассыпались между пальцев мужчины, а на висках выступили мелкие капельки пота.

Пальцы Ли Жуна, и без того тонкие и бледные, так сильно вцепились в края сиденья, что ногти побелели, а костяшки напряженно выпирали. Его ладони стали жаркими и влажными. Безымянный палец тщетно скреб по лакированному дереву, не находя опоры и издавая лишь тихий шорох. Сквозь полупрозрачную кожу проступали голубоватые вены, пульсируя и доставляя сигнал о возбуждении прямоком к сердцу.

Спустя несколько минут бесплодной борьбы Ли Жун наконец сдался и обмяк. Краска вернулась к его ногтям, пальцы расслабленно повисли. Он начал получать удовольствие от поцелуя, в котором доминировал Цэнь Сяо, превратившись в ленивого, сытого кота, безропотно принимающего ласку.

Тот самый одинокий спринг-ролл так и лежал на тарелке, источая тонкий аромат. Подсохшая

рисовая бумага начала медленно сворачиваться по краям, напоминая лепестки стыдливого цветка, укрывающегося от яркого света лампы.

Ли Жун потерял счет времени. Они целовались бы еще долго, если бы дверь кабинки вдруг не распахнулась. Официант бесцеремонно ввалился внутрь:

— Позвольте добавить вам воды!

Юноша, словно живая креветка, брошенная в кипяток, мгновенно выскочил из объятий Цэнь Сяо. При этом он с такой силой ударился коленом о край качелей, что зажмурился от резкой боли, стиснув зубы.

— С-с...

Официант покосился на нетронутые закуски, затем на почти полный графин с водой и тихо спросил:

— ...Так вам доливать?

Ли Жун прерывисто выдохнул и махнул рукой:

— Не нужно. Принесите еще порцию фо «Паровоз» и жареный фо с креветками и рыбным соусом.

Одного ролла явно было недостаточно, хотя он и не планировал делать заказ так рано. Официант, чувствуя себя так, словно стоит на раскаленных углях, поспешил ретироваться быстрее ветра.

Как только дверь закрылась, юноша согнулся, обхватив ушибленное колено. Боль была невыносимой. Цэнь Сяо негромко откашлялся, притянул его ногу к себе и закатал штанину:

— Дай посмотрю.

Видимо, дело было в наследственности: его капилляры были пугающе хрупкими. На теле Ли Жуна то и дело расцветали синяки всех оттенков синего и багряного, причем порой он даже не помнил, где именно ушибся. Как и ожидалось, после такого удара появление гематомы было неизбежно. Он бросил взгляд на колено и понял: след не сойдет минимум неделю.

Цэнь Сяо накрыл колено ладонью, мягко растирая ушибленное место.

— К чему такая спешка?

Он, покрывшийся холодным потом от боли, проворчал:

— Приличия надо соблюдать.

Спустя некоторое время боль немного утихла. Юноша облегченно вздохнул, облизнул пересохшие губы и, прислонившись к спинке качелей, небрежно закинул ногу на колено мужчины. Пошевелив лодыжкой, он вскинул брови и спросил:

— Ну что, с днем рождения?

Последние месяцы он берег себя, точно шелкопряд в коконе, поэтому на его коже не осталось ни следа от загара. Кожа на щиколотке была такой же ослепительно белой; округлая косточка обтягивалась при каждом движении, а очертания тонких мышц едва заметно проступали под кожей.

Цэнь Сяо замер. Его взгляд заворуженно скользил по белеющему в полумраке голеностопу. Кадык дернулся.

— С днем рождения, — выдохнул он.

Теперь каждый год в этот день он будет вспоминать именно эту минуту.

<http://bllate.org/book/15351/1434858>